

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-10-1-58-73

ЗАБВЕНИЕ КАК ФОРМА СТРАДАНИЯ АРТЕФАКТОВ

Статья II

Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В.

Аннотация: Текст является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала. В первой части была поставлена проблема брошенных и преданных забвению объектов, раскрыты её отдельные грани (в частности культурообусловленные особенности восприятия заброшенности и психоментальные основания «переживания» данного феномена), а также обозначены группы артефактов, забвение которых проявляется наиболее остро. Сквозь призму проблематики заброшенности были рассмотрены объекты религиозного культа и человеческие захоронения. В настоящей статье представлен обзор таких групп артефактов как опустевшие усадьбы; заброшенные города и отдельные городские локации и сооружения; преданные забвению памятники (включая монументальные произведения искусства). Затрагиваются различные теоретические аспекты изучаемой сферы, которая находит проявление во многих культурах и обладает большой общественной значимостью: уделено внимание взаимоотношениям человека с «миром вещей», рассматриваются сакральный и повседневный уровни восприятия феномена заброшенности, а также различные параметры и маркеры забвения; отмечается глубокие связи рассматриваемого явления с проблематикой историко-культурной памяти. Указывается, что особую эвристическую значимость в изучении проблемы заброшенности артефактов имеет культурология, потенциал которой позволяет выйти на высокий уровень генерализации изучаемой темы.

Ключевые слова: артефакт, забвение, заброшенность, «место памяти», историко-культурное наследие, покинутые городские пространства, брошенные деревни, усадьбы, памятники.

Человек, будучи погружённым в мир вещей, выработал различные практики «общения» с ними и формы переживания их «реальности». Взаимодействуя с материальным объектом, человек нередко наделяет его субъектностью, в определённой степени «оживляет» артефакт. Вещь может восприниматься как чувствующая, способная реагировать, испытывать эмоции. Значимым аспектом воображаемой реальности артефактов является их способность «страдать». Одной из форм «страдания», во многих случаях вызывающей повышенный интерес, являются ситуации забвения, заброшенности объектов.

Среди различных групп объектов, заброшенность которых зачастую воспринимается весьма болезненно, выделяются жилища и населённые пункты. Отдельного внимания достойны брошенные деревни. Образ оставленной деревни – деревни исчезнувшей, страдающей, гибнущей, забытой – играет значимую роль в культурной памяти современной России. Данный образ является очень устойчивым, бытует на протяжении многих поколений, оказывая сильное психоэмоциональное воздействие на носителей отечественной культуры. Образы покосившихся домов, почерневших срубов с заколоченными окнами, палисадников и огородов, заросших сорной травой; семейные воспоминания и донесённые масс-культурой сведения о различных потрясениях XX в., чрезвычайно болезненно отразившихся на деревне, – всё это формирует особое «место памяти», значимое для российской культуры. Тектонические историко-культурные сдвиги, потрясения и модернизационные процессы XX в. (революция 1917 г.; радикальные социокультурные преобразования первых советских десятилетий; Великая Отечественная война; урбанизационные процессы, повлекшие исход населения в города) «чрезвычайно болезненно отразились на деревне. Смена социально-экономических укладов никогда и нигде не проходит безболезненно, но в России XX в. последствия этих перемен были чрезвычайно значительными. А последствия Великой Отечественной войны стали буквально катастрофическими» [1, с. 98–99].

Выразительные, эмоционально окрашенные описания пустеющих деревень, ставших жертвами индустриально-городской «перемолки» XX в., широко представлены в российской художественной культуре. Такие образы создавал, например, В.Г. Распутин: «Покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним...» [2, с. 420], «Неуклюже и голо торчали раскрытые стропила, мёртво и властно смотрели в улицу проёмы выставленных окон <...> стыли под небом оставленные на произвол судьбы русские печи» [3, с. 235]. Встречаются подобные описания и у В.П. Астафьева («Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, с едва натопанной тропой, была в закрепленных окнах, с пошатнувшимися скворечниками, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями и вольно, дико разросшимися меж молчаливых изб тополями, черемухами, осинами, занесенными ветром из лесов» [4, с. 406]), и у других русских писателей, – прежде всего у писателей-«деревенщиков», для которых было характерно скептическое отношение к модернизационным процессам: наступление города на деревню они нередко описывали как наступление хаоса, убывание жизни и порядка, «лада».

Современная действительность также даёт почву для актуализации образа брошенной деревни в пространстве российской культуры. Так, вследствие перемен последних десятилетий многие сельские районы Севера и европейского Нечерноземья буквально обезлюдели (проиллюстрируем этот тезис на примере Магаданской обл.: в 1989-2021 гг. численность населения Ягоднинского р-на сократилась на 87,6%, население Тенькинского р-на – также на 87,6%, Сусуманского р-на – на 86,5%, Среднеканского – на 86,3%, и т.д. [см.: 5; 6]), появилось множество заброшенных деревень и посёлков. Появление

сёл-«призраков» отмечается и в других регионах РФ: известность, например, получил заброшенный аул Гамсутль (Гунибский р-н Дагестана). Многие наши соотечественники, даже будучи горожанами не в первом поколении, продолжают испытывать сильную ментальную связь с деревней, тягу к ней, – и для них весьма болезненны образы оставленных деревень, ситуации, когда «нагретые людьми» дома и иные артефакты оказываются заброшенными.

Специфическую (и весьма многочисленную) группу преданных забвению артефактов формируют заброшенные усадьбы. Усадебная культура в нашей стране получила в предыдущие столетия значительное развитие и глубоко укоренилась в историко-культурной памяти. Усадьбы, которые исторически являлись средоточиями дворянской культуры, формировали своеобразные «гнезда», микромиры, особые культурные среды со своеобразными ценностно-смысловыми установками и практиками. В дворянской среде XVIII – XIX вв., по мнению А. Шёнле, «с поместьем стали связывать воспоминания о свободе, определённый образ жизни и культурные интересы, и в результате усадьбы превратились в своего рода миф, благодаря которому их начали ассоциировать с подлинной «русскостью». Распространилась новая чувствительность: привязанность к определённому месту, окрашенная элегическим настроением» [7, с. 170-171]. Усадьбы оказали чрезвычайно большое влияние на развитие отечественной художественной культуры XVIII – начала XX вв., поспособствовав формированию многих ярких образов, запечатлённых в классических романах и пьесах и устойчиво транслируемых масс-медиа и системой российского образования вплоть до наших дней [см., например: 8].

Начиная с середины XIX в. российская усадебная культура вступила в полосу упадка, многие усадьбы ветшали и забрасывались. Это также привело к созданию череды значимых и растиражированных «текстов», связанных с угасанием усадебной культуры. Потрясения и негативные последствия социокультурных процессов XX в. нанесли связанным с усадебной культурой артефактам невосполнимый урон. Будучи глубоко интегрированным в историческую память, образ заброшенной усадьбы оказывает сильное влияние на многих носителей российской культуры, являясь одним из символов «домодерновой» эпохи. Указанные образы непосредственно связаны с ностальгическими переживаниями ушедшей реальности культуры, которую порой идеализируют: «Время «дедов» – пора усадебного строительства, приходящаяся на вторую половину XVIII – самое начало XIX века, – несколько романтизируется и воспринимается как эпоха сказочного богатства и изобилия. Жизнь поколения видится сквозь призму дворцовых интриг, любовных авантур, военных триумфов и невероятной роскоши» [9, с. 124].

Показательны рассуждения В.Г. Щукина, который выделяет свойства так называемого «усадебного текста». К этим свойствам он относит «соотнесённость содержания с мифом усадьбы как утрачиваемого (или утраченного) рая; усадебный хронотоп, то есть состояние счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы». Также к специфическим особенностям усадебного текста В.Г. Щукин причисляет наличие душевных переживаний героев, которые разворачиваются на фоне усадебного пространства; наличие меланхолического, ностальгического

подтекста; «идиллично-элегической жанровой модальности, зачастую переходящей в мелодраматизм» [10, с. 163].

Отметим также высказывание И.А. Бунина про упадок усадебной культуры: «Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад? Я шёл к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – все было огромно, серо, все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простирившиеся за ними и сливавшиеся с полем. Деревянный дом, обшитый серым тёсом, конечно, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь все пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна с мелкорешетчатыми рамами... как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни!» [11, с. 74-75].

Запоминающиеся, трогающие сердца образы преданных забвению усадеб содержатся в творчестве П.И. Мельникова-Печерского: «По другую сторону Заборья высятся на горе палаты князей Заборовских. Величественный дворец, строенный в прошлом столетии по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя над Волгой и Заборьем, угрюмо смотрит на новую, развившуюся под его ногами деятельность. Запустелый, обветшалый, точно переглядывается он с древними зданиями монастырскими...». Далее автор, очеловечивая усадебные постройки, пишет: «Ведут меж собой каменные старцы беззвучную беседу о суете мирской, что внизу гулом тысячи голосов и звуков дает знать о себе, о приволье места и о довольстве народа. Ведут угрюмые старцы беседу, а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда наверху былолюдно и шумно, а внизу говорить громко не смели...» [12, с. 4].

Назовём несколько выразительных и обладающих несомненными историко-культурными и художественными достоинствами российских усадеб, которые в настоящее время стоят заброшенными и частично руинированными: усадьба Гостилицы в Ломоносовском р-не Ленинградской обл. (некогда принадлежала К.Г. Разумовскому; внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО); усадьба Лютка в Лужском р-не Ленинградской обл. (в прошлом ею владел известный востоковед Ф.И. Щербатской; имеет статус объекта культурного наследия регионального значения); усадьба Альбрехта в д. Котлы Кингисеппского р-на Ленинградской обл. (объект культурного наследия федерального значения); усадьба Брискорнов в д. Пятая гора Волосовского р-на Ленинградской обл. (объект культурного наследия регионального значения); Семёновское-Отрада – историческая усадьба графов Орловых в Ступинском р-не Московской обл. (объект культурного наследия федерального значения); усадьба Петровское-Алабино в Наро-Фоминском р-не Московской обл. (по мнению ряда специалистов, построена по проекту М.Ф. Казакова [13]; имеет статус объекта культурного наследия федерального значения); усадьба Барышниковых в Дорогобужском р-не Смоленской обл. (объект культурного наследия

федерального значения); усадьба Ляличи в Суражском р-не Брянской обл. (создана по проекту Дж. Кваренги, принадлежала П.В. Заводовскому, фавориту Екатерины II; объект культурного наследия федерального значения).

«Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины – тощи, страх!
Дом – руины... Тины, тины что в прудах... <...>

Чье жилище? Пепелище?... Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...» [14, с. 137].

Следующую группу артефактов, ярко иллюстрирующих феномен заброшенности, составляют *заброшенные города и отдельные городские локации и сооружения*. Образ заброшенного города проявляется во многих культурах, в том числе на уровне мифологических и художественных интерпретаций. Издревле запустение городов и всего *жилого, обжитого* воспринималось как страшная беда, а во многих случаях – как наказание высших сил (что нашло отражение и в священных текстах: «Ибо укрепленный город опустеет, жилища *будут* покинуты и брошены, как пустыня. Там будет пастись телёнок» [Ис.27:10]). Многие смысловые и знаковые аспекты, о которых шла речь при рассмотрении предыдущих групп памятников, актуальны также и для брошенных городов. Опустевший город выступает знаком, символом ушедшей реальности. Рыночный шум и гомон, толкотня на улицах, крики детей во дворах и другие неперемняемые составляющие городской жизни – всего этого в заброшенном городском пространстве нет. И тут открывается ещё одна грань изучаемой проблематики, связанная со знаковой природой пустоты, ставшей частью реальности памятника. ««Отсутствие» в таком ракурсе проявляет неожиданные эффекты – оно может не только олицетворять молчаливую пустоту, но и способно повествовать об утраченном, манифестировать о нём» [16, с. 78]; «отсутствие, напоминая об отсутствующем, становится основой для сохранения памяти о нём» [16, с. 68]. Указанный аспект, связанный со знаково-символической стороной отсутствия, обнаруживает себя не только в отношении рассматриваемой группы артефактов, но и применительно к другим группам преданных забвению объектов.

Покинутое место (город, дом, локация и др.), предназначенное для того, чтобы в нём кто-то жил, ухаживал за ним, уделял внимание, в случае опустошения может быть не только романтизировано, но и быстро «населено» мифами, легендами (порой зловещими), содержащими отблески прошлых состояний памятника, а также вымышленными образами и персонажами, порождаемыми «играми разума». Зачастую указанные игры оказывают большое влияние на формирование смысловой ауры, воображаемой реальности памятников [17].

Рассматриваемую группу брошенных артефактов можно выразительно проиллюстрировать примерами с постсоветского пространства и из бывших восточноевропейских соцстран. Распад социалистической системы, драматичные (нередко и трагические) пе-

ремены конца 1980-х – 1990-х гг. способствовали появлению чрезвычайно большого количества заброшенных объектов. Были брошены посёлки, микрорайоны, в отдельных случаях и целые города (так, полностью опустел восточногерманский Вюнсдорф, бывшая штаб-квартира Группы советских войск в Германии – на пике своего развития оживлённый город с 60-тысячным населением). Предавали забвению заводы, фабрики и иные промышленные объекты. Прекратилось движение на многих железнодорожных путях, в том числе и на территории Санкт-Петербурга (укажем на пути на территорию Котлотурбинного института на Кременчугской ул., Калашниковскую ветвь, пути к заводу им. Климова и т.д.). Удручающее впечатление производят фотографии брошенного аэропорта в г. Усть-Илимске Иркутской обл., а также неиспользуемого и разрушающегося железнодорожного вокзала в г. Кировске Мурманской обл. Впали в запустение многие дворцы и дома культуры, в том числе представляющие существенную художественную ценность – такие как ДК Прокопьевского завода шахтной автоматики в Кузбассе и величественный Дом культуры в пос. Шумихинский Пермского края; также можно указать на значимый с историко-культурной точки зрения ДК «Невский» в Санкт-Петербурге. Чувство сожаления вызывает то, что в самом центре полумиллионной Твери находится брошенный стадион. Стоят брошенными и некоторые объекты, значимые в общенациональном масштабе, например здание бывшей Академии ВВС им. Гагарина в подмосковном Монино.

Говоря о брошенных объектах, следует отдельно упомянуть памятники монументального искусства. Вследствие различных историко-культурных перипетий указанные объекты порой предаются забвению. Природа многих монументальных объектов такова, что их «аура» нередко аккумулирует значительное ценностно-смысловое содержание, – порой «перевешивающее» материальную составляющую объекта. Рассматриваемые памятники изначально «заряжены» духовными аспектами и создаются с прицелом на их трансляцию на массовую аудиторию, – и поэтому брошенность подобных объектов влечёт их «опустошение». Памятник, утративший аксиологическое содержание, не «считываемый» субъектами, «умирает». Причём можно «оживить» памятник, не только вновь наделив его первоначальными смыслами и возродив его содержание, но и наполнив его новыми значениями. В этом плане показательна судьба многих объектов древних культур. Мы не всегда осознаём, какие смыслы создатели артефактов изначально в них вкладывали, но в состоянии придать им новые значения, – например, мы можем благоговеть перед совершенством художественных форм древних объектов, «аура» которых значительно шире сугубо эстетических параметров. Показательны в данном случае рассуждения О. Шпенглера: «невозможно до конца вникнуть силами собственной души в исторический аспект мира чужих культур, в картину становления, сложившуюся из совершенно иначе предрасположенных душ. Здесь всегда остаётся какой-то недоступный остаток, тем более значительный, чем ничтожнее собственный исторический инстинкт, физиогномический такт, собственное знание людей» [18, с. 289].

Немало памятников монументального искусства были брошены на постсоветском пространстве. В частности, были преданы забвению многие художественные мозаики. Данный вид монументального искусства получил в СССР большое развитие, и

мозаики украшали городские пространства, дома и дворцы культуры, клубы и др., – транслируя важные аспекты аксиосферы советской культуры и являясь во многих случаях подлинными городскими достопримечательностями. Укажем, например, на панно «Радость труда» (площадь 530 кв. м.), установленное в г. Тольятти, которое содержит значительные образы советской культуры – включая ликвидацию неграмотности, солдат Великой Отечественной войны, Ю.А. Гагарина, строителей Волжского автозавода и др. В настоящее время мозаика в силу заброшенности городской локации, в которой она находится, пребывает в запустении и медленно разрушается, однако предпринимаются усилия для её сохранения. Находятся в состоянии не востребоваемости и заброшенности и некоторые образцы монументальной скульптуры социалистической эпохи (так, в Санкт-Петербурге на бывшей территории завода «Подъёмтрансмаш» стоит неухоженный, заросший деревьями памятник С.М. Кирову). Порой предаются забвению и мемориальные доски: например, симптомы заброшенности имеет размещённая на бывшем здании института «Ленгипроразводхоз» мемориальная доска со стёршейся, с трудом читаемой надписью: «Коллектив института ЛЕНГИПРОВОДХОЗ награжден памятным Знаком ЦК КПСС СОВМИНА СССР ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за высокую эффективность и качество работы в десятой пятилетке. Постановление №140 5 февраля 1981 года». К сожалению, история трудовых коллективов, трудовых свершений, которой в советский период уделялось значительное внимание, в постсоветское время нередко забывалась, а артефакты, связанные с ней, впадали в запустение.

Также в этом ряду необходимо упомянуть монументальные надписи, которые во времена СССР были размещены на многих зданиях, стелах и иных объектах. Надписи «СЛАВА ТРУДУ!», «СССР – ОПЛОТ МИРА», «НАША ЦЕЛЬ – КОММУНИЗМ», «МИР, ТРУД, МАЙ» и т.п. присутствовали во всех крупных городах и были неотъемлемой частью городской среды, визуальнo индоктринируя советского человека. Часть рассматриваемых артефактов впоследствии была демонтирована, а другие сохранились до наших дней, нередко пребывая в неудовлетворительном состоянии. Многие наши соотечественники воспринимают проржавевшие монументальные надписи, олицетворяющие для них целую эпоху, полустёртые надписи на мемориальных досках, руинированные мозаики с грустью и тоской по ушедшей реальности.

Проявления заброшенности в постсоветский период наблюдались не только в урбанизированных ландшафтах. Укажем, в частности, на то, что многие поля, которые в советское время интенсивно обрабатывались, в 1990-х впали в запустение. Весьма ярко это проявлялось в пространствах, окружающих крупные города Нечерноземья, в том числе в Ленинградской обл. Если бывшее капустное или кукурузное поле зарастает чахлой осинкой, то это производит на многих носителей российской культуры угнетающее впечатление (в данном случае уместно провести аналогию с процитированным в ч. I настоящей статьи стихотворением Н.А. Некрасова «Несжатая полоса»).

Будучи многогранным, ценностно-смысловой спектр заброшенности включает романтические, ностальгические, мистические и иные коннотации. Основой для романтизации и эстетизации могут стать, помимо прочего, материальные утраты и по-

калеченность памятников. Данная тенденция ярко проявлялась в отношении античного наследия в Италии XV – XVII вв., а также во многих европейских странах в XVIII – начале XIX вв.; впрочем, нельзя сказать, что деятелям европейской культуры более ранних эпох совершенно не был свойственен интерес к поврежденным артефактам. Изредка воспевали руины и античные авторы (Алфей, Антипатр Сидонский, Павсаний), и средневековые (Хильдеберт Турский) [См.: 19]. Некоторые руинированные объекты в XIX – XX вв. стали чрезвычайно популярны; к примеру, Помпеи превратились в один из символов античности и стали значимым «местом памяти» (а впоследствии и центром притяжения для путешественников и туристов).

Значительный интерес к данной проблематике сохраняется и в XX – XXI вв. Представляется, что все основные ценностно-смысловые аспекты восприятия заброшенных, руинированных объектов, которые проявлялись в прошлые времена, наблюдаются и в современном мире. В частности, устойчиво сохраняется романтическая тема; А. Шёнле пишет, что «колебание между приверженностью идее прогресса и ностальгией по ушедшему миру, между новым и древним, по определению не может завершиться» [7, с. 133]. Но при этом расширяется спектр артефактов, которые могут превратиться в заброшенные, и усложняются практики взаимодействия с ними. В качестве примера приведём промышленные объекты, многие из которых в конце XX – XXI вв. стали восприниматься сквозь призму заброшенности; порой индустриальные руины называют «современной готикой». Представляет интерес статья Н. Халитовой о достопримечательностях, которые традиционно посещают новобрачные в г. Магнитогорске и возле которых они фотографируются. Примечательно, что растёт количество фотографий новобрачных, которые сделаны на фоне осыпающихся фасадов, разрушающегося ограждения заброшенного парка, руинированных зданий. Согласно высказанному в статье мнению, это обстоятельство может быть связано с тем, что жители города-новодела хотят обозначить свою причастность к чему-то «древнему» – или по крайней мере к тому, что визуально походит на древнее («привычный город надоел, нужна более «древняя» история») [20].

Среди современных практик взаимодействия с заброшенными промышленными объектами исследователи выделяют индустриальный туризм, фототуризм, руинный туризм [см.: 21] и т.д. Рассматриваемые явления получили большое распространение: так, в интернете можно найти десятки миллионов фотографий заброшенных артефактов, а также многочисленные произведения фан-арта, изготовленные на их основе. Многие преданные забвению артефакты с помощью масс-медиа и художественной культуры обрели большую популярность; например, у любителей индустриального туризма сформировались устойчивые маршруты, которые включают, в частности, заброшенную базу ВМФ на дальневосточном острове Русский, заброшенную усадьбу Ольгово в Подмосковье, до недавних пор – г. Припять (Украина).

Дополнительным свидетельством развития и усложнения темы заброшенных артефактов является появление в XIX – XX вв. постапокалиптики – специфического поджанра научной фантастики, антиутопии и хоррора. В книгах, кинофильмах, сериалах, мультфильмах и компьютерных играх, относящихся к рассматриваемому поджанру, очень

часто фигурируют многочисленные заброшенные и руинированные объекты, которые не только являются частью антуража, но и нередко играют сюжетообразующую роль. В качестве примеров постапокалиптических произведений современной масс-культуры назовём книги Р. Желязны «Долина проклятий» и К. Маккарти «Дорога» (оба романа экранизированы), а также компьютерную игру «Fallout».

Анализируя изложенное, следует сказать о том, что сам по себе феномен забвения в истории культуры имеет неоднозначные коннотации. Его восприятие с сугубо негативных сторон сужает ценностно-смысловое поле данного явления. Как было указано в ч. 1 настоящей статьи, забвение является естественным свойством памяти, которая не может вмещать всё пережитое. Человечество сохраняет память не обо всём, очень многое отфильтровывается. Память особым образом структурируется, проходит пунктиром по наиболее значимым местам, гравитационные поля которых образуют единую «ткань» знаний о прошлом. Указанное свойство человеческой памяти способствует созданию особого знаково-смыслового поля, которое находит своё выражение в своеобразной эстетике заброшенности, увядания, распада. Река времени неизбежно уносит многие события, имена, образы, – и этот процесс может переживаться и в рамках отдельной человеческой жизни, и в масштабах целого социума. Время безжалостно стирает память:

«Уничтожает все кругом:

Цветы, зверей, высокий дом,

Сжует железо, сталь сожрёт

И скалы в порошок сотрет,

Мощь городов, власть королей

Его могущества слабей» [22, с. 57].

Тем не менее, человечество выработало действенные способы сохранения памяти, в частности её наиболее значимых «сгустков». В первую очередь следует сказать о тех «очагах» памяти и их материальных «средоточиях», которые наиболее тесно связаны с аксиосферой культуры. Данные аспекты памяти, будучи общественно признанными, культивируются и подкрепляются различными коммеморативными практиками, – в том числе инициированными государством. Также следует указать, что коммеморативные практики могут эффективно использоваться для выявления, «оживления» мест памяти и их популяризации. Среди значимых артефактов, которые в современной России были реанимированы и «усилены», назовём Калязинскую колокольню в Тверской обл. (1796-1800 гг. постройки), возведённую при Никольском соборе. В 1939-40 гг. при создании Угличского водохранилища церковь попала в зону затопления; собор был разобран, а колокольне отвели роль маяка. Впоследствии колокольня дала небольшой крен, который ликвидировали; при этом в конце 1980-х гг. фундамент колокольни был укреплён, а вокруг неё насыпали небольшой остров. Ныне колокольня «является конечной точкой Верхневолжского крестного хода. Таким образом, пройдя круг страданий, данный памятник обрёл вторую жизнь, усилившись пережитыми страстями и войдя в поле актуальных смыслов и религиозных практик человека. Примечательно, что колокольня на фоне пережитых страданий стала одним из

главных символов города Калязина, привлекающим множество туристов» [23, с. 181].

Практики преодоления забвения применяются не только к общекультурно-значимым объектам, но и к предметам самым обыденным. Указанные практики носят культурно-обусловленный характер и могут различаться достаточно сильно. К примеру, в современных культурах на фоне ускорения оборота вещей получили распространения многообразные практики *пристраивания* артефактов (укажем на феномен буккроссинга, магазины секонд-хенд, всевозможные блошинные рынки и «гаражные распродажи» и т.п.). Многие люди полагают, что игрушку надо отдать, чтобы ей играли. Музыкальный инструмент должен найти нового владельца и продолжать звучать.

Продолжая цепочку рассуждений, интересно рассмотреть специфику восприятия мусора в культуре, – поскольку граница между брошенным и мусором является весьма зыбкой. С одной стороны, мусор – это то, что полностью отторгнуто человеком. Но в то же время в рамках современных культур мусор становится объектом пристального внимания: для мусора устраиваются особым образом маркированные и обустроенные места, его стараются регулярно вывозить, его перерабатывают (и даже порой считают значительным источником сырья). Несанкционированные мусорные кучи начинают считаться чем-то вопиющим, недопустимым; о практиках обращения с мусором оживлённо дискутируют, – мусор не должен быть брошенным.

Ещё одним способом преодоления заброшенности вещи, выводимой или выведенной из «круга использования», является введение её в обиход в новом качестве, с новыми функциями, наделение её второй жизнью – что также ярко проявляется в современных культурах. В рамках современных дизайнерских практик нередко используют бывшие в употреблении вещи (в том числе и артефакты, связанные с ушедшими, «неактуальными» формами культуры). Помимо использования в новом качестве целокупных предметов и их фрагментов, возможно и использование их материала для создания новых вещей, – что тоже с известной долей условности может восприниматься как практика преодоления забвения. Например, новый свитер, *связанный* с использованием шерсти от распушенной старой кофты, может восприниматься как генетически *связанный* с былым артефактом, «наследующий» ему.

Любопытно также использование брошенных предметов в рамках современного искусства. Многие художники стремятся сделать «хлам и мусор» снова нужным и даже необходимым. Это, помимо прочего, способствует сохранению вещей. «Хлам, бесформенное, нерасчленённое становится сегодня истинным материалом искусства, точнее материей, которая «ничего не значит», «азначимой материей»» [24, с. 237].

Наконец, укажем на практики реновации, которые являются частным приёмом введения вещи в обиход в новом качестве. Данные практики, применяемые к бывшим промышленным объектам, административным зданиям и т.п., стали весьма распространёнными в Западной Европе, а в последние годы применяются и в России.

Подводя итоги написанному в двухчастной статье, отметим, что тема заброшенности и забвения артефактов весьма многогранна, находит проявление во многих культурах и обладает высокой степенью общественной значимости. Тема брошенных объ-

ектов является предметом рефлексии со стороны представителей научного сообщества, которые предлагают различные варианты работы с подобными объектами [см., например: 25, с. 42–44]. Данная проблематика привлекает философов, специалистов в области эстетики и аксиологии, психологов, антропологов, урбанистов, экономистов, музееологов, а также представителей других дисциплин. Особую эвристическую значимость имеет изучение данной проблематики в рамках культурологии, потенциал которой позволяет выйти на высокий уровень генерализации изучаемой проблематики.

Природа культуры такова, что человек находится в постоянном взаимодействии с различными артефактами, с «миром вещей», наделяя их разнообразными смыслами. Сложный диапазон взаимодействия с артефактами проявляется решительно на всех уровнях культуры – от сакрального (культовые сооружения, мемориалы и т.д.) до бытового, повседневного (предметы быта). Несмотря на то, что забвение является естественным свойством памяти, а износ материальных феноменов культуры неизбежен, человеку свойственно в той или иной мере поддерживать связи с меняющимся предметным миром и привязываться к артефактам. Психоэмоциональная связь человека с различными объектами может быть достаточно глубокой. В свою очередь определённые параметры артефакта (прежде всего внешние) могут сообщить о том, как к нему относятся, является он востребованным или нет, актуальна ли его смысловая нагрузка.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...*

Список литературы

1. Леонов И.В., Кириллов И.В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4 (42). С. 90–108.
2. Распутин В.Г. Прощание с Матёрой // Астафьев В.П., Белов В.И., Распутин В.Г., Шукшин В.М. Русская проза XX века. Москва: Астрель; АСТ, 2003. С. 419–617.
3. Распутин В.Г. Вниз и вверх по течению // Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 213–285.
4. Астафьев В.П. Людочка // Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 390–428.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп Weekly. Институт демографии имени А.Г. Вишневского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 26.04.2023).
6. Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 26.04.2023).
7. Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России нового времени / Пер. А.Д. Степанова. Москва: Новое литературное обозрение,

- 2018.
8. Лётин В.А., Лётин Н.Н. Рецепция феномена русской усадьбы современной отечественной массовой культурой // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 242–248.
 9. Лётин В.А. Усадебное пространство в пореформенной России // Родина. 2014. № 6. С. 123–127.
 10. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда: геокультурологическое исследование по классической русской культуре. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.
 11. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность // Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). Москва: Воскресенье, 2006. С. 5–249.
 12. Мельников П.И. Старые годы // Мельников П.И. Старые годы: Рассказы и очерки. Москва: Московский рабочий, 1986.
 13. Самохина Т.Н. К истории строительства усадьбы Петровское-Князищево // Матвей Фёдорович Казаков и архитектура классицизма / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства; редкол.: Н.Ф. Гуляницкий и др. Москва: НИИТАГ, 1996. С. 48–49.
 14. Анненский И.Ф. Старая усадьба // Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А.В. Фёдорова. Ленинград: Советский писатель, 1959. С. 137.
 15. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета / Юбилейное издание, посвящённое тысячелетию Крещения Руси. Москва: Издание Московской Патриархии, 1988.
 16. Смирнова А.А., Леонов И.В., Кириллов И.В. Отсутствие как памятник. Статья 1 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1 (47). С. 65–82.
 17. Суворов Н.Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
 18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Москва: Мысль, 1998.
 19. Томан И.Б. Из истории культа руин в Европе и России // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения». 19 мая 2015 года. Москва-Ярославль: Редмер, 2015. С. 192–206.
 20. Халитова Н.Р. Город в альбомах свадебных фото // Магнитогорский металл. URL: <https://magmetall.ru/news/fotovzglyad/gorod-v-albomah-svadebnyh-foto/> (дата обращения: 26.04.2023).
 21. Бугрова Е.Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 3. С. 16–23.

22. Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. Н. Рахмановой // Толкин Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец / Пер. с англ. Н.Л. Рахмановой, Н.В. Григорьевой, В.И. Грушецкого. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. С. 5–186.
23. Леонов И.В., Кириллов И.В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
24. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. Москва: Грюндриссе, 2016.
25. Возняк Е.Р. Проблема заброшенных строений и объектов // Современные проблемы истории и теории архитектуры. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. М.В. Золотарёва. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строит. ун-т, 2018. С. 40–45.

Сведения об авторах

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: allasmir@mail.ru

Леонов Иван Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович – магистрант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: os84@yandex.ru

Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V.

OBLIVION AS A FORM OF ARTIFACT SUFFERING. ARTICLE II

Abstract: *The text is a continuation of the article published in the previous issue of the journal. In the first part, the problem of abandoned and forgotten objects was posed, its individual facets were revealed (in particular, culturally conditioned features of the perception of abandonment and the psychomental foundations of the «experience» of this phenomenon), and groups of artifacts whose oblivion is most acute were identified. Objects of religious worship and human burials were examined through the prism of the problems of abandonment. This article provides an overview of such groups of artifacts as deserted manors; abandoned cities and individual urban locations and structures; monuments consigned to oblivion (including*

monumental works of art). Various theoretical aspects of the studied sphere are touched upon, which finds expression in many cultures and has great social significance: attention is paid to the relationship of a person with the «world of things»; the sacred and everyday levels of perception of the phenomenon of abandonment, as well as various parameters and markers of oblivion are considered; the deep connections of the phenomenon under consideration with the problems of historical and cultural memory are noted. It is indicated that culturology has a special heuristic significance in the study of the problem of abandonment of artifacts, the potential of which allows us to reach a high level of generalization of the topic under study.

Keywords: *artifact, oblivion, abandonment, «place of memory», historical-cultural heritage, abandoned urban spaces, abandoned villages, estates, monuments.*

References

1. Leonov I.V., Kirillov I.V. «Prizrachnye derevni» v kul'turnoj pamyati Rossii [«Ghost villages» in the cultural memory of Russia] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie [Human. Culture. Education]. 2021. № 4 (42). P. 90–108.
2. Rasputin V.G. Proshchanie s Matyoroj [Farewell to Matyora] // Astaf'ev V.P., Belov V.I., Rasputin V.G., Shukshin V.M. Russkaya proza XX veka [Russian prose of the XX century]. Moskva: Astrel'; AST, 2003. S. 419–617.
3. Rasputin V.G. Vniz i vverh po techeniyu [Downstream and upstream] // Rasputin V.G. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2 [Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007. P. 213–285.
4. Astaf'ev V.P. Lyudochka [Lyudochka] // Astaf'ev V.P. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 9 [Collected works: in 15 vols. Vol. 9]. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 1997. P. 390–428.
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. CHislennost' naseleniya SSSR, RSFSR i ee territorial'nyh edinic po polu [All-Union Population Census of 1989. The population of the USSR, the RSFSR and its territorial units by gender] // Demoskop Weekly. Institut demografii imeni A.G. Vishnevskogo Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki» [Demoscope Weekly. Vishnevsky Institute of Demography of the National Research University «Higher School of Economics»]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (data obrashcheniya: 26.04.2023).
6. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda [All - Russian Population Census 2020] // Rosstat. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Rosstat. Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (data obrashcheniya: 26.04.2023).
7. Shyonle A. Arhitektura zabveniya: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii novogo vremeni [Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia] / Per. A.D. Stepanova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
8. Lyotin V.A., Lyotina N.N. Recepciya fenomena russkoj usad'by sovremennoj otechestvennoj massovoj kul'turoj [Reception of the phenomenon of the Russian

- estate by modern Russian mass culture] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2013. № 3. Т. I (Gumanitarnye nauki). P. 242–248.
9. Lyotin V.A. Usadebnoe prostranstvo v poreformennoj Rossii [Manor space in post-reform Russia] // Rodina. 2014. № 6. P. 123–127.
 10. Shchukin V.G. Mif dvoryanskogo gnezda: geokul'turologicheskoe issledovanie po klassicheskoj russkoj kul'ture [The Myth of the Noble Nest: a Geoculturological study of Classical Russian Culture]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997.
 11. Bunin I.A. Zhizn' Arsen'eva. Yunost' [Arsenyev's life. Youth] // Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. Т. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931) [The complete works in 13 vols. Vol. 5. The Life of Arsenyev. Novel (1927–1929; 1933); God's Tree. Stories (1927–1931)]. Moskva: Voskresen'e, 2006. P. 5–249.
 12. Mel'nikov P.I. Starye gody [Old years] // Mel'nikov P.I. Starye gody: Rasskazy i ocherki [Old years: Short stories and essays]. Moskva: Moskovskij rabochij, 1986.
 13. Samohina T.N. K istorii stroitel'stva usad'by Petrovskoe-Knyazishchevo [On the history of the construction of the Petrovskoye-Knyazhishevo estate] // Matvej Fyodorovich Kazakov i arhitektura klassicizma [Matvey Fedorovich Kazakov and the architecture of Classicism] / Ros. akad. arhitektury i stroit. nauk, NII teorii arhitektury i gradostroitel'stva; redkol.: N.F. Gulyanickij i dr. Moskva: NIITAG, 1996. P. 48–49.
 14. Annenskij I.F. Staraya usad'ba [Old manor] // Annenskij I.F. Stihotvoreniya i tragedii [Poems and tragedies] / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. A.V. Fyodorova. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1959. P. 137.
 15. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments] / Yubilejnoe izdanie, posvyashchyonnoe tysyacheletiyu Kreshcheniya Rusi. Moskva: Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1988.
 16. Smirnova A.A., Leonov I.V., Kirillov I.V. Otsutstvie kak pamyatnik. Stat'ya 1 [Absence as a monument. Article 1] // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie [Human. Culture. Education]. 2023. № 1 (47). P. 65–82.
 17. Suvorov N.N. Pamyatnik kul'tury kak voobrazhaemaya real'nost' [Cultural monument as an imaginary reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2017. № 4 (33). S. 76–80.
 18. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Т. 1 [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Vol. 1]. Moskva: Mysl', 1998.
 19. Toman I.B. Iz istorii kul'ta ruin v Evrope i Rossii [From the history of the cult of ruins in Europe and Russia] // Aktual'nye voprosy izucheniya duhovnoj kul'tury v kontekste dialoga civilizacij: Rossiya – Zapad – Vostok [Topical issues of the study of spiritual culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia – West – East]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Slavyanskaya

- kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XV Kirillo-Mefodievskie chteniya». 19 maya 2015 goda. Moskva-Yaroslavl': Redmer, 2015. P. 192–206.
20. Halitova N.R. Gorod v al'bomah svadebnyh foto [The city in wedding photo albums] // Magnitogorskij metall [Magnitogorsk Metal]. URL: <https://magmetall.ru/news/fotovzglyad/gorod-v-albomah-svadebnyh-foto/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
 21. Bugrova E.D. Industrial'nye ruiny: estetika modern decay i turizm [Industrial Ruins: modern decay aesthetics and tourism] // Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth: theories and practices of culture]. 2022. № 3. P. 16–23.
 22. Tolkin Dzh.R.R. Hobbit, ili Tuda i Obratno [The Hobbit, or There and Back again] / Per. N. Rahmanovoj // Tolkin Dzh.R.R. Hobbit, ili Tuda i Obratno. Vlastelin Kolec [The Hobbit, or There and Back again. The Lord of the Rings] / Per. s angl. N.L. Rahmanovoj, N.V. Grigor'evoj, V.I. Grusheckogo. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2002. P. 5–186.
 23. Leonov I.V., Kirillov I.V. «Stradayushchij» artefakt: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya [The «suffering» artifact: the main forms of incarnations and features of perception] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2019. № 6 (111). P. 176–183.
 24. Podoroga V.A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoj antropologii [A question about a thing. Experiments in analytical anthropology]. Moskva: Gryundrisse, 2016.
 25. Voznyak E.R. Problema zabroshennyh stroenij i ob'ektov [The problem of abandoned buildings and objects] // Sovremennye problemy istorii i teorii arhitektury [Modern problems of the history and theory of architecture]. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. M.V. Zolotaryova. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gos. arhitekturno-stroitel. un-t, 2018. P. 40–45.

Smirnova Alla Aleksandrovna – doctor of Historical Sciences, professor, vice-rector for educational and educative work, head of the Department of Theory and History of Culture of the St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: allasmir@mail.ru

Leonov Ivan Vladimirovich – doctor of Culturology, docent, professor of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Kirillov Igor Viktorovich – master's student of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture (direction «cultural studies»), St. Petersburg.

E-mail: os84@yandex.ru